

1799–1837

«Капитанская дочка» — чудо искусства. Не подпишись под ним Пушкин, и действительно можно подумать, что это <...> написал <...> человек, бывший очевидцем и героем описанных событий <...> В этом чуде искусства как бы исчезло искусство, утратилось, дошло до естества».

Ф. М. Достоевский

классика
В!
кармане

классика в кармане

А.С. ПУШКИН

классика
в кармане

Капитанская дочка

А.С. ПУШКИН

классика
в кармане

«Ни при каких приближениях, ни при каких взломах, ни при каких освещениях, срезях и ракурсах, ни при каком углублении Пушкин не утрачивает тайны».

А.Г. Битов

А.С. ПУШКИН

Капитанская дочка

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Капитанская дочка

*классика
в кармане*

А.С. ПУШКИН

Капитанская дочка

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
П91

Проект Д. Е. Веселова

Вступительная статья *М. Л. Гофмана*
Комментарии *В. Д. Рака*

Печатается по изданиям:

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен Б. В. Томашевским. — 4-е изд. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 6. Художественная проза. 1978; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Библиополис, 1994. Т. 4.: Романы и повести; вступительная статья печатается по:
Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. — СПб., 1910. Т. 4.

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Пауля Бартеля «Девушка с книгой»
и О. А. Кипренского «Портрет А. С. Пушкина»
Иллюстрации П. Соколова, гравюры А. Ламота

Литературно-художественное издание
Серия «Классика в кармане»

ПУШКИН Александр Сергеевич
Капитанская дочка

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Т. Ю. Удачина*

Подписано в печать 16.07.2012. Формат 76×100/32.
Усл. печ. л. 8,44. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.
Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© И. С. Веселова, составление, 2012
© В. Д. Рак, комментарии, 2012
© Nemiro Ltd, 2012
© ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2012
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-486-6 (БММ)
ISBN 978-966-14-4232-9 (КСД)

«Капитанская дочка»¹

Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны,
Да нравы нашей старины.

Так говорил Пушкин за 12 лет до появления в печати «Капитанской дочки», говорил, обращаясь с улыбкой к прозаическим бредням, «к пестрому сору» Фламандской школы, но сквозь эту улыбку, сквозь этот юмор прорывалось искреннее влечение к этому пестрому сору, и в этих немногих словах сказалось предвидение художником своего будущего. По мере того, как наставал полдень поэта, по мере того, как поэт прощался со своей легкой юностью и пускался в новый путь «от жизни прошлой отдохнуть» — роман «на старый лад» все более и более останавливал на себе его внимание, и в 1834–1836 гг. Пушкин осуществил программу, начертанную им в 1824 г. Предвидение художника оказалось слишком точным: этот роман на старый лад — «Капитанская дочка» — действительно занял закат поэта... «Капитанская дочка» — венец творчества Пушкина-прозаика — является завершением стремлений Пушкина, уходящих в глубь 20-х годов, а последовательными ступенями их были: «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «Дубровский»... Общее всем им — простой пересказ «смирненной прозой» преданий русского семейства, да нравов нашей старины.

Ни одно из произведений Пушкина, за исключением «Евгения Онегина», не занимало так долго его внимания, как «Капитанская

¹ Печатается с сокращениями по: Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. — СПб., 1910. Т. 4. С. 353–378. — *Примеч. ред.*

дочка», и недаром Белинский называет ее «Евгением Онегиным» в прозе: «Капитанская дочка» писалась 4 года, создавалась же более 10 лет — корни «Капитанской дочки» уходят, как мы видели, к 24–26 году, к той поре, которую можно охарактеризовать, как окончание периода Stürm'ов и Dräng'ов, как пору примирения с жизнью или лучше, словами самого поэта, — как пору его полудня.

Очень трудна задача полного восстановления процесса создания «Капитанской дочки», процесса выполнения программы романа, обещанного в шуточной форме Пушкиным в «Евгении Онегине». Можно только набросать план этого процесса, показать слагаемые романа.

I

В 1824 году Пушкин говорил о прозе с оттенком шуточного презрения — он предвидит, что в него вселится новый бес, что он «унижится» до «смирненной прозы».

В 1826 году поэта

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие хладные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

К 30-м годам Пушкин перестает быть лириком в собственном смысле, не оставляя поэзии, не оставляя поэтической формы. Творчество его, по самой природе своей объективное, теряет совершенно характер поэтического дневника, лирических признаний.

В 30-х годах, сверх того, мы замечаем понижение поэтического творчества Пушкина, часто слышим мы сетования поэта, что рифмы бегут от него. С тем большею энергией поэт обращается к прозе.

Не следует забывать и других стимулов устремления Пушкина к прозе. Пушкин вполне сознавал, что искусство поднято им на небывало высокую ступень в России. Поэзия, бывшая до Пушкина чем-то вроде приятного прохладительного напитка, становится жречеством, поэт получает звание жреца и пророка. Но проза... проза, разбуженная Карамзиным, в эпоху Пушкина еще только выходила из младенческого состояния. «Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности, — писал Пушкин, — просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут до-

вольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы вынуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны». Пушкин не мог себе представить наших дам с «Благонамеренным» в руках, письмо Татьяны, его милой Тани, он принужден переводить с французского. Татьяна, как и Полина (в отрывке «Рославлев»), не читала по-русски, по той простой причине, что ничего и не писалось. Дама, от лица которой ведется рассказ в «Рославлеве», говорит: «Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова и чрезвычайно ограничена. Она, конечно, представляет нам несколько отличных поэтов, но нельзя же от всех читателей требовать исключительной охоты к стихам. В прозе мы имеем только “Историю” Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назад; между тем, как во Франции, Англии и Германии книги, одна другой замечательнее, поминутно следуют одна за другой... Вечные жалобы наших писателей на пренебрежение, в коем оставляем мы русские книги, похожи на жалобы русских торговков, негодующих на то, что мы шляпы наши покупаем у Сихлер, а не довольствуемся произведениями костромских модисток...» Дать в руки русским читателям русскую книгу, которая оставляла бы далеко позади себя «произведения костромских модисток» — толпы подражателей Вальтер Скотта, померяться силами и, быть может, превзойти самого «шотландского чародея» — задача эта становится на очередь уже с середины 20-х годов. Еще в юности своей Пушкин советовал писателям прислушиваться к речам московских просвирен, и сам Пушкин не переставал учиться русскому языку... Поэт, говоривший, что «la langue de l'Europe n'est plus familière que la nôtre»¹, создал простой, безыскусственный и полный необычной для того времени красоты язык — в «Борисе Годунове».

Первое прозаическое произведение — неоконченный роман «Арап Петра Великого» — свидетельствует уже о необычайном развитии Пушкинского прозаического языка. С тех пор Пушкин не перестает писать прозой («Повести Белкина», «Дубровский» etc.), с тех пор язык Пушкина, обработанный классический язык, не перестает эволюционировать, обогащаясь с искусством употребленными архаизмами, неологизмами и варваризмами. Завершением этой эволюции прозы Пушкина является «Капитанская дочка» — самое со-

¹ «Язык Европы мне привычнее нашего» (*франц.*) — строчка из письма А. С. Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 6 июля 1831 г. — *Примеч. ред.*

вершенное и самое безукоризненное произведение его в художественной прозе.

В эпоху создания «Капитанской дочки» Пушкин уже не мог говорить, что «la langue de l'Europe m'est plus familière que la nôtre»: в 20-х годах Пушкин писал по-русски, думая по-французски, в 30-х он и пишет и думает по-русски, только по-русски¹.

II

«В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Вальтер Скотт увлек за собой целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея!..»

«Действие Вальтера Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности...»

Приведенные нами два отрывка из «Литературной газеты» 1830 г. достаточно говорят о понимании Пушкиным значения и влияния Вальтера Скотта. Сам Пушкин — русский чародей — подпал под обаяние шотландского чародея. Но в то время, как наши костромские модистки жалко топтались на месте, наивно и неумело подражая Вальтеру Скотту, Пушкин создавал замечательнейший русский роман: Вальтер Скотт дал толчок новым силам Пушкина, до тех пор дремавшим в нем. Начало чтения Пушкиным В. Скотта надо отнести к 20-м годам, но настоящее увлечение им к 30 годам...²

Приведенные нами отрывки относятся к 1830 г. В 1831 в отрывке «С французского», слишком явно носящем автобиографический характер (не для того ли, чтобы замаскировать последний, Пушкин назвал его «С французского»: известно, что подобного рода мистификация не была чужда Пушкину), лошадь героя называется Женни (не в честь ли Джени, героини «Эдинбургской темницы» Вальтера Скотта?), сам же герой рассказывает о себе, что в ресторации он читает новый роман или журналы, — «если же Вальтер Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса — то требую бутылку шампанского...» и т. д.

¹ Самым очевидным и наглядным доказательством тому служат письма Пушкина к жене, все написанные на русском языке. Говоря о «Капитанской дочке», как о совершеннейшей прозе Пушкина, мы колеблемся — не следует ли на первое место поставить его письма... — *Примеч. автора.*

² Надо думать, что письмо Д. В. Давыдова о заочном знакомстве с В. Скоттом (август — сентябрь 1827 г., Москва) служит ответом на расспрашивание Пушкина; заключительная фраза этого письма «Вот вся история моего знакомства с Вальтер-Скоттом» позволяет делать такое предположение. — *Примеч. автора.*

По мере того, как Пушкин все более и более увлекался В. Скоттом, «Капитанская дочка» вырисовывалась перед ним все яснее и яснее: мы не можем приписать простой случайности, что имя Вальтер Скотта встречается в письмах Пушкина чаще всего в эпоху создания и работы поэта над «Капитанской дочкой».

В сентябре 1834 года Пушкин пишет жене из Болдина: «Читаю Вальтер-Скотта и Библию...» 21-го сентября 1835 г. ей же: «Я взял у них (у Вревских) Вальтер Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою Английского...», 25-го сентября 1835 г. <...>: «...Гуляю пешком и верхом, читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе...» Желая похвалить «Тараса Бульбу» Гоголя, он говорит, что начало его «достойно Вальтер-Скотта».

Вальтер Скотт укрепил в Пушкине его внутреннее влечение к простому быту: Пушкин осознал это влечение (в «Повестях Белкина» и «Капитанской дочке») к простым «преданьям русского семейства» под влиянием чтения романов В. Скотта. Подобно тому, как В. Скотт воскрешал нравы шотландской старины XVIII века, Пушкин в «Капитанской дочке» воскресил нравы русской старины XVIII века. Савельич — едва ли не первый в нашей литературе правдивый тип крестьянина-слуги — написан под безусловным влиянием «Ламермурской невесты» В. Скотта, что отметил и Белинский, назвав его «русским Калобом». И действительно, Савельич нарисован под явным влиянием В. Скотта, но отличие его от Калеба, точно так же, как главное отличие Марьи Ивановны от Джени, заключается в том, что Калоб — шотландский крестьянин, тогда как пушкинский Савельич чисто русский народный тип — отличие слишком значительное, чтобы говорить о подражательности Пушкина в создании образов. Более всего точек соприкосновения, однако, «Капитанская дочка» имеет с «Эдинбургской темницей».

Обе героини (и Джени, и Марья Ивановна) отправляются в столицу с просьбой о помиловании невинно осужденных (сестры и жениха)¹, останавливаются у дам, имеющих доступ ко двору (одна — миссис Глас — посредством продажи табаку герцогу Аргайлю, другая — Анна Власьева — через своего дядю, придворного истопника). Обе героини подкупают монархинь своей искренностью и этим всеисильным средством добиваются помилования. Несмотря на то, что этот эпизод (путешествие и просьба) занимает у Пушкина в 20 раз меньше места (недаром необыкновенная сжатость — характерная черта Пушкина), мы находим в описании Вальтер Скотта

¹ Эфи, мнимая преступница, приговоренная к смертной казни за детоубийство, легко могла бы оправдаться, если бы назвала имя своего возлюбленного, точно так же как и Гринев избежал бы своего приговора, если бы назвал имя Марии Ивановны. — *Примеч. автора.*

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Береги честь смолоду.

Пословица

ГЛАВА I

СЕРЖАНТ ГВАРДИИ

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин

Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава богу, — ворчал

он про себя, — кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel¹, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, оболъстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириной и доброю бумагой. Я решился сделать

¹ чтобы стать учителем (*франц.*).

из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал его со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подальше, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

Содержание

<i>М. Л. Гофман. «Капитанская дочка»</i>	3
Капитанская дочка	38
<i>Комментарии</i>	167